

Осень сорок первого в Переславле

Мой рассказ о том, как переславцы переживали военное время, не претендует на историческую достоверность. Когда началась война, мне было 10 лет, и я хочу поделиться с читателями своими воспоминаниями о прожитом и пережитом.

В июле уехал на фронт отец. Мы остались дома с матерью и маленькой сестрёнкой. Фашисты наступали, ощущалась угроза захвата Москвы. Наиболее опасным направлением было северо-западное. Где-то там, на границе Калининской и Ярославской областей, уже были немецкие войска. Их самолёты летали на Москву и Ярославль.

На стадионе и в школах города переславцев учили тушить зажигательные бомбы. Открывались бомбоубежища. Горожане улицы Ростовской по сигналам тревоги должны были укрываться в подвале клуба имени Дзержинского. Наиболее смекалистые рыли траншеи у своих домов. Введено было военное положение, после 22 часов нельзя было находиться на улице. Милиция строго следила за порядком в городе, и дело шло, хотя милиционеров было всего несколько человек.

Взрослых парней, до 1923 года рождения, к сентябрю призвали в армию. Мы им завидовали. Город пустел на глазах.

Каким многолюдным был наш двор до войны! После вернулись домой единицы, и те — больные и раненые.

Каждый день в городе объявлялись тревоги. Особенно часто вечером и ночью. Объявлял их диктор местного радио, а фабрики оповещали город протяжными гудками. Жители по сигналам тянулись в бомбоубежища и укрытия.

Часто ночами слышались взрывы где-то далеко за озером. Что это было? Может, раскаты грома, но нам казалось, что рвутся снаряды.

Мы, мальчишки, в убежища не ходили, наше место было на крыше дома. Оттуда мы видели, как утром вражеские самолёты возвращались на свои аэродромы после налёта на Ярославль.

Вдоль вала у 10-й школы была вырыта траншея с накатом из брёвен и досок. В некоторых местах вала были сделаны другие самодельные укрытия.

Уже в это время стало трудно с питанием. Через несколько месяцев начался настоящий голод. Впереди была трудная и пугающая своей неизвестностью зима. Все готовились к эвакуации. Отдельные семьи уезжали на восток. В городе было введено затемнение, патрули вечерами совершали обходы улиц. Стёкла во всех домах заклеивали полосками бумаги, перестали подавать электроэнергию в дома. Жили с коптилками, лучинами, реже — с лампами на бензине с солью.

Многие жители города эвакуировались на восток. Я спрашивал мать: «Почему мы не уезжаем?» «Но куда и на чём?» — отвечала она мне.

Становилось всё более очевидно, что фабрика № 5 и автодорога Москва—Ярославль привлекут внимание авиации противника. День и ночь по шоссе шли колонны автомашин. В Москву везли боеприпасы, технику, продукты. В Ярославль — раненых и подбитую технику.

Все предприятия города работали для фронта. Подростки 13—16 лет устраивались на работу, на курсы в специальные военные школы. Более младшие собирали лекарственные травы, заготавливали дрова для школ, работали месяцами в колхозах района.

Наступил ноябрь. 5 ноября в 18.30 наша семья была дома: пили за столом чай с сахарином. Послышался гул самолёта, он летел на бреющем полёте. Мы с матерью переговаривались: «Это наш! Нет, немец!» После моих слов раздался страшный грохот. Посыпались стёкла, упал

самовар со стола, заплакала сестра. Через минуту, несмотря на крики матери, я уже был на улице. Там меня ждали друзья.

Был морозный вечер. В нашем огороде слышались голоса людей. Мы побежали туда и увидели воронку от взрыва фугасной бомбы глубиной около 1,5 метров. Залезли в неё и набрали ещё тёплых осколков. Забор огорода в этом месте был изрублен осколками.

Что же произошло? Немецкий самолёт (очевидцы видели кресты на крыльях) летел над городом. Лётчик сбросил бомбу. Жертв и особых разрушений не было. Очевидно, самолёт отбил от группы, которая делала налёт на Ярославль или Москву.

Вскоре после этого случая фашистов разгромили под Москвой, и все вздохнули с облегчением. Начался новый период военной жизни в тылу. Нам предстояло пережить ещё три с половиной года войны.